

РЕЦЕНЗИИ

В. Е. Семенков, М. В. Рабжаева

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Написанная в начале 1930 годов книга М. К. Любавского* — этот обширнейший труд по истории «территориальной экспансии русского народа и создания им его собственной территории» (с. 539), — впервые опубликована сейчас, когда уже не существует ни Российской империи, ни СССР, а распад имперской системы только-только начинает осмысляться. И в условиях еще полностью не осознанного катаклизма и его последствий появляется закономерный интерес к истории возникновения самой имперской системы, к тому, как именно происходило присоединение земель, как создавалась территория империи. Конечно, появление высокопрофессионального исследования, посвященного полностью этой теме, не может не обрадовать. Книга представляет собой обзор колониционных процессов на территории Российской империи начиная с палеолитических стоянок первобытных людей на территории Восточной Европы и вплоть до освоения русскими поселенцами Кавказа, Предкавказья, Туркестана на рубеже XIX — XX веков. Необходимо отметить, что термин «колонизация», который употребляет М. К. Любавский, не имел того негативного оттенка, который был привнесен в научный оборот несколько позже, вместе с распространением марксистского термина «империалистическая» (читай — грабительская, эксплуататорская) колонизация. Матвей Кузьмич употребляет термин «колонизация» в значении «расселение, освоение территорий». Автор выделяет и рассматривает историко-географические и, отчасти, социально-экономические стороны процесса освоения новых земель. То есть колонизация для М. К. Любавского — это процесс не завоевания, захвата новых земель, а процесс присоединения, хозяйственного освоения.

В предисловии (А. Я. Дегтярев, Ю. Ф. Иванов, Д. В. Карев) отмечено, что книга М. К. Любавского — наглядный пример исследования в рамках так называемой «государственной» школы в отечественной историографии. Для исследователей этой школы был характерен интерес не только к проблемам возникновения самого государства, но и к проблемам активного определяющего воздействия государства на социальные процессы. У М. К. Любавского мы действительно можем встретить положения о принципиально важной роли колонизации в истории государства (с. 73, 539). Но является ли государство иницилирующей и направляющей силой в колониционных процессах, или колонизация как автономный социальный процесс развивается по своей логике, независимо, а быть может, и вопреки государственным усилиям? Очевидно, что в колониционных процессах, как в процессах социальных, государ-

*М. К. Любавский. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. — М.: Изд-во Моск. ун-та., 1996. — 688 с.

ство не может не принимать участия, но все дело в том, что государство принимает участие на определенных этапах колонизации, выполняя функции фиксирования существующего положения дел. Если нам интересна роль государства в процессах колонизации, то мы должны обратить внимание на то, как именно государство фиксирует, конституирует колонизационный процесс.

Всю логику концепции М. К. Любавского относительно роли русской колонизации в формировании государственной территории можно представить как систему из трех уровней исследования, где каждый следующий уровень является конкретизацией предыдущего.

Первый уровень — это уровень историко-географического исследования процесса колонизации и создания государства.

Второй уровень — это уровень изучения социальных сторон колонизации и характера взаимоотношений социума и государственного аппарата по этому поводу.

Третий уровень — рассмотрение практики государственного конституирования колонизованных земель.

1. Географический фактор в истории русской колонизации.

«Этот обзор истории колонизации является обзором внешней колонизации, создававшей русскую государственную территорию» (с. 74). Эта фраза является парадигмальной для самого автора, ибо указывает на колоссальную роль практики освоения пространства в русской истории.

Любавский начинает анализ освоения пространства, понимая под самим пространством собственно географическое пространство. Это наиболее абстрактное пространство, и оно никоим образом не тождественно социальному пространству, анализ которого и является предметом исследования. Анализ географического фактора как исходной точки исследования вполне логичен для ученого того периода вообще, и для Любавского в частности, отстаивавшего принцип «влияния внешней природы на человека» и общество.

На характер расселения оказывало влияние уже то, что славянам приходилось обходить заболоченные местности и густые лесные дебри, не покидая лесных массивов из-за опасности со стороны Степи. Поэтому восточные славяне вынуждены были расселяться как бы островками и «группами островков среди моря лесов, болот и озер» (с. 113).

Изучая историю российской государственности, М. К. Любавский ищет объяснения истоков территориальной экспансии русского народа в особенностях этноландшафтной системы Восточной Европы: чередование степных и лесных областей, обилие природных богатств, присутствие воинственных соседей. Наличие богатейших природных ресурсов при экстенсивном типе хозяйствования стимулировало освоение новых земель по мере оскудения прежних.

В таких условиях перманентной экстенсивной колонизации формирующаяся государственная власть должна была, по мысли М. К. Любавского, обладать особыми качествами. А именно — обладать способностью управления огромными территориями при чрезвычайно низкой плотности населения в напряженных условиях колонизации и постоянной угрозы со стороны Степи. И эволюция государственности в сторону формирования абсолютизма была, согласно такой позиции, закономерным явлением в условиях необходимости

консолидации «разреженной, а потому податливой массы» народа перед лицом постоянного противостояния воинственным соседям.

По мнению М. К. Любавского, именно благодаря особенностям этноландшафтной системы в России сложился особый тип государства — Империя (именно так он пишет это слово) и особый тип государственного управления — абсолютная монархия в имперской системе. То есть именно эти формы государственной организации и управления рассматриваются автором как наиболее адекватные для России в условиях постоянного освоения новых земель.

2. Колонизация как социальный процесс русской истории.

«Русская история есть в сущности история непрерывно колонизирующей страны» (с. 73). Это постоянное освоение новых земель не было прерогативой государства, и у М. К. Любавского эта сторона вопроса очень подробно показана.

Автор обращает внимание на то, что осваивает (то есть колонизирует) землю крестьянин-земледелец, а сами процессы освоения земель инициируются различными социальными группами. Рассматривая освоение земель как автономный социальный процесс, историк выделяет следующие хронологически доминирующие типы колонизации: народная (или «естественная» — по определению М. К. Любавского), княжеская, боярская, землевладельческая, монастырская, казацкая, вольная (крестьянская), государственная. Последняя стала доминировать лишь в конце XIX — начале XX века. Эти типы колонизационных потоков различаются автором не столько по типу колонизатора (это обычно простой земледелец), а скорее по типу инициатора-организатора той или иной волны миграции и последующего собственника земли, что и отражено в названии самих типов колонизации. Так, рассказывая о колонизации земель после татарских погромов в XIV веке, автор указывает, что «народная колонизация стала растекаться по тем руслам, которые открывали князья, бояре, монастыри и другие состоятельные люди» (с. 185).

В традиционном массовом сознании фигура колонизатора — это или фигура казака, или былинного богатыря-земледельца. Но М. К. Любавский выделяет и показывает отдельную, самостоятельную ветвь колонизации, сыгравшую большую организационную роль в освоении земель — монастырскую колонизацию. Монастыри были оплотом колонизации — даже не столько потому, что могли предоставить защиту и укрытие, и не потому, что сохраняли земледельческие традиции и имели льготы от государства, хотя все эти факторы и оказывали свое влияние. Монастыри становились теми центрами, к которым тянулись не только русские земледельцы, но и люди самых разных национальностей для удовлетворения духовных потребностей. Так, в качестве примера, можно указать на Пыскорский монастырь как на организатора поселенцев в Пермском крае, собравшем вокруг себя в первой половине XVII века 365 крестьянских дворов (с. 442). Тут стоит обратить внимание на то, что отсутствие принуждения со стороны Церкви лишь способствовало распространению христианства. Монастыри являлись не только своеобразными форпостами земледелия в море кочевников, но и, можно сказать, выполняли функцию центров духовности.

Процесс освоения новых земель, согласно логике автора, инициировался потребностью в решении демографических проблем избыточного населения в условиях экстенсивного типа ведения хозяйственной деятельности. То есть по

мере разработки земли и ее оскудения социально активная часть населения стремилась к освоению новых земель, благо что существовавшее пространственно-географическое окружение это позволяло. В качестве примера можно привести историю вольной (правильнее будет, самовольной) крестьянской колонизации правого берега Волги. Описывая ситуацию, М. К. Любавский обращает внимание на то, что как только ослабел контроль над указанной территорией со стороны кочевников, крестьяне «перешли на правый берег, ... обязавшись нести службу станичных казаков» (с. 278). Сформировался даже особый социальный тип земледельца — земледельца «без корней», всегда готового переселиться на новые земли, как только это становится возможным. Однако, о причинах, формировавших в земледельце черты потенциального мигранта автор пишет весьма неопределенно, указывая на нужду, угнетение со стороны властей, «невозможность выполнить государственные и частные обязательства» и наконец — преступления. Но, пожалуй, самого исследователя более всего удовлетворяла отсылка к «известной страсти к перемене мест», иначе говоря, «привычка к бродяжничеству» и «житейский авантюризм», по мысли исследователя, могут объяснить, почему «территория русского народа в конце концов достигла колоссальных размеров». «Русскому человеку не сиделось на месте; все ему хотелось лучшего, все тянуло на новые места...» (с. 268).

Не менее показательны и другое место в характеристике колонизации как социального процесса. Для автора очевидно, что не все территории Российской империи вошли в нее в результате колонизации — освоения земель. Автор указывает на Эстляндию, Лифляндию — весь Прибалтийский край, Финляндию, Бессарабию, Закавказье, Среднеазиатские владения как на территории, связанные с Империей «только подчинением единой власти» (с. 539). Причину того, что эти земли не стали ареной колонизации, Любавский видит или в высокой плотности местного населения, или в неподходящих природных условиях (с. 539). Уже в самой отсылке к природным условиям нам видна ограниченность методологического подхода автора: то, что устраивало в качестве объяснения ученого начала XX в., уже не может устроить исследователей конца XX в. — хотя бы по причине накопления фактологической базы о колонизационных потоках. К примеру, в устье Терека, где непривычный климат не послужил преградой для поселения русских людей еще в XVI веке (с. 396-397). Можно привести множество примеров успешной адаптации русских поселенцев в непривычных климатических условиях (Кубань, Закавказье, Казахстан, Киргизские степи и т.д.). Современными исследователями отмечено, что процессы колонизации в районах Закавказья проходили безболезненно для русских переселенцев до момента появления государственного чиновника. А если говорить о Финляндии, то и на сегодняшний день она не отличается высокой плотностью населения, а ее природные условия сходны с условиями северо-запада России, где русские поселенцы не только активно освоили земли, начиная еще с XIII века, но и потеснили, а затем практически ассимилировали местные племена финского происхождения (с. 195, 208). Что же касается Прибалтики, то и этот край был ареной колонизации русского народа задолго до его присоединения к Российской империи в XVIII веке (названия Юрьев, Иван-город говорят сами за себя).

Однако еще более существенно то, что историк-государственник (sic!) по сути дела не обращает внимания на принцип включения новых земель в состав Российской Империи. То, что между колонизованной Сибирью и той же Финляндией существовало различие в способе управления, для него более чем очевидно, но он это объясняет отсутствием самого факта колонизации территории Финляндии. И в этом видна логико-методологическая натяжка, т.к. способ управления, применявшийся в Финляндии, впервые был введен на той территории, которая по мнению автора состоялась как территория русской колонизации, то есть на Украине.

Это не просто досадный промах, а именно ограниченность в методе. Либо необходимо признать проблематичность для факта колонизации той же Украины, либо объяснить, почему на ней Империя изменила свой принцип интериоризации колонизованных земель. С этой целью рассмотрим последний уровень изучения русской колонизации — уровень государственной практики.

3. Государственная практика конституирования колонизованных территорий

М. К. Любавский, описывая отношение государства к колонизационным процессам, указывает, что «могучее народное движение... заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им» (с. 474).

Понимая колонизацию как освоение земель, все же следует различать принципы присоединения территорий. Земли могут быть присоединены путем завоеваний и путем мирного освоения территорий. Для Российской империи военная экспансия как принцип присоединения территорий была не характерна. М. К. Любавский указывает, что основная часть территории Российской империи была колонизована путем освоения земель крестьянами — земледельцами, методом «народной колонизации». Организаторами переселенческих потоков могли выступать самые различные социальные группы: от монастырей до различных типов землевладельцев и их поверенных. Автор показывает, что государство идет вслед за первопроходцами, оказывая им защиту, помощь, предоставляя льготы и т.д. А после того, как первоначальное освоение земель произошло, государство, решая проблемы безопасности своих границ, продолжает начатую колонизацию, руководствуясь уже экономическими соображениями или политической целесообразностью. Исключение, по мнению М. К. Любавского, представляла лишь колонизация Амурского и Уссурийского регионов, организованная во второй половине XIX века по инициативе государства, обеспеченная безопасностью границ (с. 563).

Изложенный выше принцип колонизации, по мысли автора, является основополагающим для освоения земель в Российской империи. Но предложенная концепция не может объяснить различие в принципах управления присоединенными территориями: учреждение особого приказа по управлению делами на Украине — Малороссийского, и просто назначение высокопоставленного государственного чиновника — наместника Кавказа. Автор, как профессиональный историк, не может умолчать об этих фактах, но его объяснения нельзя признать убедительными.

Представляется, что это происходит из-за того, что сам М. К. Любавский в анализируемой нами работе понимает процессы освоения как процессы расселения, то есть как некий эколого-демографический процесс. Автор не разводит понятия демографического расселения и социально-политического освоения новых территорий. Расселение пришлого избыточного населения на новых землях — это вопрос экологической адаптации. И сведение многомерного процесса колонизации к процессу расселения подобно плоской проекции объемной фигуры. Рассмотрение колонизационных процессов в данном ракурсе не может помочь нам ответить на вопрос о разных принципах управления присоединенными территориями. Чтобы ответить на этот вопрос, представляется необходимым рассмотреть процесс колонизации как процесс социальной адаптации. Под социальной адаптацией мы понимаем процесс приспособления уже существующих социальных институтов и структур к имперским структурам и институтам.

Присоединяя территории и осваивая их, русский народ адаптировал приобретенное социальное пространство как бы «под себя». То есть происходила адаптация существующих социальных институтов: перевод этих социальных институций из разряда «этнокультурное» в разряд «государственное». Такой принцип колонизации условно назовем гомогенным, то есть создающим однородное имперское пространство. Но не все территории Российской империи были колонизованы именно таким способом. К примеру, та же Финляндия, Польша, Прибалтика были присоединены как особые территории, подчиненные имперскому принципу управления. Но еще раньше в истории Российской империи уже был случай подобного присоединения. Украина присоединялась не только как отдельная земля со своими географическими границами, но и как территория, обладающая собственным социально-политическим пространством. Такой тип колонизации, который имел место на Украине, можно назвать гетерогенным — создающим разнородное социальное пространство. Гетерогенное присоединение земель — это не столько колонизация, сколько подчинение имперскому управлению. Таким образом, мы видим, что колонизация как расселение формирует государственную территорию Российской империи. А присоединение территорий методом подчинения имперскому управлению есть формирование территории власти (формальная колонизация). Учитывая вышесказанное, имеет смысл говорить о двух аспектах колонизации: экологическом и социально-политическом. На Украине состоялся только первый вариант колонизации — экологическая адаптация. «Географизм» Любавского или отсутствие должного понятийного и категориального аппарата не позволил «увидеть» Украину как пространство, не ставшее ареной социально-политической колонизации и давшее начало принципиально новому способу формирования государственного пространства, продублированного затем в Польше и Финляндии.

Но вышеуказанное критическое замечание о «географическом» подходе автора к многомерному процессу колонизации не умаляет значения издания, которым можно пользоваться как энциклопедическим справочником по истории освоения территориального пространства Российской империи. Этому способствуют подробнейшие и обширные указатели персоналий и указатели географических, этнических и этногеосоциальных названий, составленные Е. Л. Назаровой и В. В. Назаровым.